

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА
ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР
ОПЕРЫ И БАЛЕТА ЭСТОНСКОЙ ССР
«Э С Т О Н И Я»

КОЛА БРЮНЬОН

Опера в 3-х действиях, 8 картинах
с интермедиями и прологом

Музыка Д. Кабалевского, либретто В. Брагина и Д. Кабалевского
по повести Романа Роллана

Дирижер — народный артист ЭССР Кирилл Раудсепп

Постановщик — засл. деятель искусств ЭССР Удо Вяльяотс

Художник — засл. художник ЭССР Лембит Рооза

Хормейстер — засл. деятель искусств ЭССР Уно Ярвела

Балетмейстер — Май Мурдмаа

Концертмейстеры — засл. артистка ЭССР Текла Коха

Рээт Лауль

Энн Кивилоо

Ведет спектакль — Аугуст Сепп

В ролях:

Кола Брюньон	— народный артист СССР Георг Отс ✓ засл. артист ЭССР Георг Талеш
Селина	— Эве Нээм засл. артистка ЭССР Лидия Панова засл. артистка ЭССР Урве Таутс ✓
Жакелина	— засл. артистка ЭССР Айно Кюльванд ✓ Галина Кулкина Тийна Яаксоо
Жифлар	— Эрвин Кярвет ✓ Тео Майсте
Кюре Шамай	— Артур Линнамяги ✓ Уно Крээн Мати Пальм
Робинэ	— Энно Ээсмаа ✓ Тийт Тралла
Герцог д'Ануа	— народный артист ЭССР Виктор Гурьев ✓ Калью Караск
М-ль де Терм	— засл. артистка ЭССР Вера Нелус Хайли Саммелсельг ✓ Елена Соловьева
Герольд	— Эдгар Хярмсон Хейно Рикас ✓
1-ый гражданин	— Ринальд Бамберг ✓ Верни Кирс
2-ой гражданин	— Тыну Бахман

Увертюра — музыкальный портрет Кола Брюньона, мастера из народа, скульптора, резчика по дереву, весельчака и балагура, могучий дух которого никогда не сломят никакие беды и несчастья: «Не бывает мрачных времен, бывают только мрачные люди. Я, слава тебе, господи, не из их числа!..»

Пролог — Брюньон — ему уже пятьдесят стукнуло — хочет рассказать нам повесть своей жизни... «А, не будем забегать вперед! Все-му свой черед!» Рассказ о жизни уступает место самой жизни...

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

1-я картина — виноградники в предместье Кламси. Знойный полдень. Девушки собирают виноград. Брюньон и Селина-Ласочка, как всегда, не спускают друг с друга глаз, но и не дают друг другу покоя. Язычок у обоих подвешен неплохо. Любят ли они друг друга? Конечно, любят, да характер у обоих такой, что лучше сгорят, чем признаются в этом. Разные причуды бывают у любви, особенно, когда каждый слишком горд и считает себя сильнее другого. Герцогский лакей Жифлар только и ждет случая, чтобы, воспользовавшись очередной ссорой Кола с Ласочкой, захватить ее самому. А маленькая чернушка Жакелина «готова съесть Брюньона живьем» — любит она его до смерти. Из замка Кенси донесся звук колокола. Запыхавшийся кюре Шамай возвещает новость: Герцог из Парижа вернулся, с гостями и новым гарнизоном.

Интермедия — хорошо знают кламсийцы, каких «защитников» найдут они в герцогских солдатах — пьяницах и обжорах. «Спаси нас, боже, от наших спасителей, а себя мы и сами спасем»...

2-я картина — на лугу перед замком Кенси кламсийцы приветствуют (не слишком восторженно!) своего Герцога. Хвастливо кичится неумный феодальный князек перед парижскими гостями своим отменным мастером Брюньоном, чьими прекрасными изделиями украшены все покои замка. Вместе с парижской красоткой м-ль де Терм и другими гостями, герцог удаляется в замок. А народ веселится на лугу. Брюньона то тянут в замок, то он сам тянется к Селине. Тут уж она стала сущей дьяволицей. Закружила Жифлара, и подвыпивший кюре благословил их на брак... А Кола все-ж таки попался в цепкие коготки чернушки Жакелины...

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

3-я картина — 30 лет прожил Кола с Жакелиной. Она изгоняла из дома пыль и тишину, а он трудился со своим любимым учеником Робине, смеялся над ней, смеялся над самим собой, смеялся надо всем... Только не над воспоминаниями о Селине-Ласочке. Он изваял ее в дереве — это лучшее, что он сделал. Это его радость и счастье, радость и счастье человека и художника. И еще есть у него радость и

счастье — его маленькая «игрушка-зверушка», любимая внучка Глоди. В ней вся его жизнь, все его будущее... Герцог забирает в свой замок все лучшие творения Брюньона. Вот теперь он уносит и изваяние Ласочки. «Там она будет сохранена от огня, дождя и ветра», — утешает себя Кола. Что бы ни было — он художник и мастер, он верит в жизнь, в свои силы, в бессмертие искусства, в грядущий день... Шамай, спасаясь от прихожан — то им молебен, то крестный ход, то то, то это — вносит в дом своего старого друга обычное веселье, шутки, смех... Но, не на долго — церковный хорал за стенами дома звучит грозным предупреждением: в город вошла чума!

Интермедия — страшное и неумолимое народное бедствие нависло черной тучей над Кламси — городом плавных холмов и нежных отсветов, над домами трудолюбивых и жизнерадостных кламсийцев... 4-я картина — за городскими воротами, на склоне холма Кола то еле слышно стонет, то рычит по-звериному. Это идет его схватка с чумой — не на жизнь, а на смерть. Бредовые видения чередуются с удивительной ясностью мысли, когда он восторженно любуется звездами в ночном небе. Так видеть звезды и так слышать их перезвон может только художник, любящий жизнь неистребимой любовью. И эта любовь к жизни победила — чума поперхнулась Брюньоном... Тогда и друзья стали возвращаться. Первым, конечно, безбожник-кюре Шамай с бутылочкой Шабли. А за ним и любимый ученик Кола — Робине с отчаянной вестью: в городе жгут зачумленные дома, сожгли и дом Брюньона. Ничего не осталось, кроме любимой его флейточки-флажолета... «Ну, что ж, это лучше, чем ничего», — не унывает Брюньон, подкрепившись глотком доброго бургундского вина... Но тут кюре выкладывает свою весть, похуже, чем весть о сгоревшем доме: Жакелина собирается в лучший мир... Да не одна, а вместе с внучкой, с маленькой Глоди... Потрясенный Брюньон с трудом поднимается на ноги и, опираясь на палку, тяжелой походкой идет в город.

Интермедия — Медленно, тяжело бредет Брюньон по дороге. Вслед за ним — его верный Робине.

5-я картина — впервые за тридцать лет услышал Кола от умирающей жены слова любви. Но какие это были слова! «Я тебя любила, а ты меня не любил. Поэтому ты был добрым, а я была злая. Я ненавидела тебя за то, что ты меня не любишь, а тебе было все равно. У тебя был смех, твой вечный смех, Кола!..» За несколько мгновений они словно перечитали всю печальную повесть своей жизни. А в соседней комнате, отчаянно борясь со смертью, бьется, как раненая птичка, Глоди. И вдруг свершается чудо — смерть отступает от кроватки маленькой мученицы. Она дышит!.. Дышит!.. Дышит!.. «Теперь я могу идти», — с этими словами Жакелина тихо и спокойно расстается с жизнью. Брюньон закрывает ей веки, складывает вместе ее трудолюбивые руки, ни разу не отохнувшие за всю жизнь, задвигает полог кровати и подходит к малютке, всматриваясь в то, как она спит. Нежные, колыбельные слова так много пережившего Брюньона перерастают в гимн жизни, обращенный к тем, кто придет после него, кто будет красивее, лучше и счастливее его, кто будет видеть дальше него, шагая над его могилой...

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

6 - я картина — с того памятного праздника на лугу в честь приехавшего герцога, больше 30 лет не видели друг друга Селина и Брюньон. И вдруг встретились. Впрочем, вдруг ли? Обманывал себя Кола, думая, что случайно забрел на ферму, где жила и хозяйничала его Селина, его шустрая Ласочка. О каких только пустяках они ни болтали, а в душе у обоих звучит, как вечное напоминание о юных годах — нежный мотив песни сборщиц винограда. И, наконец, не выдержав, Селина впервые без колючих шуток, без дразнящей игры призналась во всем. Тридцать лет носила она в себе эти горячие слова любви и теперь выплеснула их с такой силой страсти, словно опять стала 18-летней Ласочкой... Но жизнь прошла. Ничего нельзя вернуть. «Кола, Кола... Глупая головушка...»

Интермедия — возвращаясь в Кламси, Кола встречает горожан. В городе беспокойно. Жифлар стал старшиной. Нет от него житья. Все его боится, попрятались в домах. Иуда — он предал всех, разорил всех. Кола решает идти в замок: «Его светлость, мой герцог послушает меня!» — «А знаешь, Брюньон, чем ты рискуешь? — «Знаю! Головой!..»

7 - я картина — Герцог садистически наслаждается зрелищем горящих в Кламси домов. Он знает, что кламсийцы кипят возмущением против его солдат, занесших в город чуму и разграбивших его, против нового старшины Жифлара, против него самого. «Сгорит гнездо — погибнут осы!»... А тут и сам Жифлар подвернулся. Всю жизнь ждал он случая отомстить Брюньону за то, что только на зло ему стала Селина женой герцогского лакея. Он клеветает Герцогу на Брюньона: «Брюньон — бунтарь! Поносит Вашу светлость, подбивает горожан на мятеж!» Нет предела бешенству, охватившему герцога. Неумный, не способный что-либо создать, не способный даже оценить созданное другими, ничего в искусстве и красоте не смыслящий, но твердо верящий в то, что он — хозяин, а Брюньон — его вассал, его слуга, — герцог зверски уничтожает все творения, которыми он заставил Брюньона украсить свой замок. Горят в камине дивные, из дерева вырезанные олени, ларцы и виноградные лозы... И Ласочку — вершину брюньоновского искусства, не пощадил обезумевший варвар. А Жифлар подсоблял ему, конечно, как только мог... Громкий стук в дверь. Это сам Брюньон. Он не верит своим глазам. «Боже правый! Что это? Ласка? Ласочка?..» И вдруг, рыдания сменяются неистовым хохотом. Острая мысль рождается в творческом мозгу Брюньона. Можно уничтожить все, что он сделал, но руки его, голову его и талант уничтожить нельзя. Он притворно раскаивается в своей «вине» перед герцогом и обещает испить ее...

Интермедия и 8 - я картина — веселящейся, шумной толпой собираются кламсийцы на лугу перед замком. Сегодня состоится великое торжество: в день святого Мартына — заступника Кламси, перед замком будет открыт монумент в честь достославного Герцога. Брюньон обещал изваять его на коне, с мечом, в латах, в шлеме, грозным и прекрасным. Герцог с гостями появляется на крыльце замка. Фанфары, колокола, глшатаи и барабанчики; торжественно-помпезная атмосфера нарастает. Брюньону предоставляется почетное

право снять покрывало с монумента. Кюре благославляет его, кламсийцы поют в честь Герцога кантату. И вот наступает торжественный миг... Покусившийся на искусство Брюньона, его светлость Герцог д'Ануа этим же самым искусством — неотразимым и могучим оружием, — посрамлен и уничтожен! Смех, разрастающийся до гомерического хохота, торжествует победу. Торжествует победу и Брюньон с народом, торжествует победу неумирающий народный гений, сама жизнь! — «Жизнь хороша, друзья мои! Одно лишь худо — коротка! Ах, как хотелось бы побольше!..»

Так кончается опера о жизнелюбивом, умном и талантливом мастере из Кламси Кола Брюньоне.

Цена 10 коп.

К. 2461. 4000. 1970.